И. Г. ЯМПОЛЬСКИЙ

Из истории работы А. Н. Майкова над переводом «Слова о полку Игореве»

(По архивным материалам)

По мнению специалистов, перевод «Слова о полку Игореве», сделанный А. Н. Майковым, является одним из наиболее удачных. Он был напечатан в 1870 г. с предисловием и примечаниями переводчика.¹

Вот как Майков рассказывает о возникновении мысли о переводе «Слова»: «Напал на него случайно: старшему сыну в гимназии пришла пора его проходить; думаю, памятник чудесный, дай, сам с ним прочту — и начал разбирать по екатерининскому тексту, изданному Пекарским, без знаков препинания, написано все сплошь в одну строку.² Стал делить на части, руководясь единственно ходом творчества самого певца. Прочел, восхитился построением — но для справки о темных местах взял русские переводы, чорт возьми! Все не так делают и понимают, дробят памятник, он является чем-то бессвязным, глупыми отрывками».³

Неслучайно один из вариантов предисловия к переводу был написан в форме письма к сыну. Он озаглавлен: «Вместо предисловия. Моему сыну» — и начинается словами: «Хотелось бы мне, милый мой Коля, чтобы ты хорошенько понял драгоценнейший памятник нашей старины — „Слово о полку Игореве“. Не зная, как объяснить его тебе хорошенько и передать, как я его понимаю, — я решился перевести его на нынешний наш язык».⁴

Начало работы над переводом относится к середине 1860-х годов, но интерес к замечательному памятнику литературы Древней Руси возник задолго до этого. В черновом тексте одного из примечаний Майкова (к «злату слову» Святослава) читаем: «Еще с 1844 года, когда я принялся за изучение русской старины и за „Слово о полку Игореве“, мне казалось, что „златое слово Святослава, со слезами смешено“ кончается здесь» и т. д.⁵

Работа Майкова над переводом «Слова» заслуживает специального исследования. В его архиве сохранилось несколько редакций как самого перевода, так и предисловия и примечаний к нему, много черновиков,

¹ Заря, 1870, № 1, с. 81—146.

² Майков имеет в виду издание: П. П е к а р с к и й. Слово о полку Игореве по списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II. Приложение к т. 5 «Записок имп. Академии наук» (СПб., 1864, № 2).

³ Черновик письма к своему сослуживцу по Комитету цензуры иностранной и биографу М. Л. Златковскому (Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 168, А. Н. Майкова, № 17304/С1Х6 11). Приведенный отрывок пересказан Златковским в кн.: Аполлон Николаевич Майков. Биографический очерк. СПб., 1888, с. 50.

⁴ РО ИРЛИ, ф. 168, № 16515/СВ165, л. 81, см. также л. 71.

⁵ Там же, л. 160.

содержащих вычеркнутые и не вошедшие в печатный текст места, которые представляют бесспорный интерес. Человек весьма образованный, много читавший, Майков стремился овладеть исследовательской литературой как о «Слове», так и об истории Древней Руси вообще, древнерусской литературе и искусстве. Он хотел не только усвоить прочитанное, но и выработать самостоятельный взгляд на мировоззрение человека Древней Руси, форму «Слова», его жанровые особенности и т. д.

В черновиках имеются дополнительные сведения о трудах, которыми Майков пользовался, характеристики отдельных исследователей. Отмечу, например, теплые слова о П. Н. Рыбникове (л. 12 об.—13 об. и др.).

Майкова очень занимал вопрос о личности древнего певца-поэта и среде, из которой вышло «Слово о полку Игореве», — он много думал на эту тему. Интересно начало одного из вариантов предисловия. Майков начинает издалека. Он пишет: «Читая в детстве моем историю Карамзина, я с особенным любопытством остановился на рассказе его в первом томе, как греки, воюя с аvaraми в VI веке, захватили у них в плен троих чужеземцев, имевших вместо оружия кифары или гусли. На вопрос императора, кто они? — они отвечали: „Мы — славяне, к аvarам попали в плен, с оружием обходиться не умеем и только играем на гуслях. Нет железа в нашем отечестве, а песни да гусли — все наше веселье“. Эти певцы очень меня заинтересовали: так мне и хотелось узнать: какой вид они имели? как были одеты? а главное — какие песни они пели и что в этих песнях прославляли?».⁶ Дальше речь идет о сочинении Ю. Венилина «Древние и нынешние болгары», о русских летописях и пр., и опять-таки с этой точки зрения: что говорится в них о певцах.

Решительно отвергая мысль о неподлинности «Слова о полку Игореве», Майков выдвигает некоторые свои соображения, лишь частично отразившиеся в печатном тексте.

Заслуживает внимания и то место предисловия, в котором поэт — конечно, бегло да притом в импрессионистической, субъективной манере, — протягивает нити от «Слова» к классической русской литературе. Привожу этот отрывок.

«В заключение не могу не отдать отчета в одном впечатлении, которое я вынес, долго занимаясь „Словом о полку Игореве“. Несмотря на семь веков, отделяющих нас от его певца, — он чрезвычайно близок к нынешней нашей литературе. Его поэма — точно зародыш, таящий в себе все лучшие качества последней. В этих образах князей — Осмомысла Галицкого, от престола которого грозы текут по землям, Всеволода Суздальского, что „мог бы Волгу веслами раскропоти, а Дон шеломами вылити“, Романа, что в замыслах возносится высоко, как сокол ширяся на ветрах, высматривая добычу, — слышится что-то родственное державинским изображениям екатерининских орлов. В описании битв тоже. Во всем же здоровом тоне поэмы, в этом кованом языке, на который древность наложила какую-то свою, особую, вековую печать, в этой поэзии действительности — как бы чувствуется пушкинская стройность, определенность, сдержанность и меткость выражений. Далее, эти описания природы, эта жизнь степи, в ее мрачном виде, вся эта прелестная идиллия бегства Игоря, эти «дятлы тѣктом путь к реке казуют», вся речь Игоря к Донцу — как он лелеял князя на серебряных берегах своих, — во всем этом таится как бы зародыш лучших страниц Турген-

⁶ Там же, л. 95; см. также л. 11 и ф. 168, № 17855/СХ16 3. В окончательном тексте об этом сказано гораздо короче и не в начале.

нева... [а этот сарказм, полный любви, — не ожил ли в Гоголе?].⁷ Чувствуется, несмотря на перерыв многих веков, один и тот же гений в творчестве русских людей тогда и ныне». ⁸

Работая над переводом, Майков обращался за советами к ученым и литераторам 1860-х годов и читал им перевод и предисловие.⁹ В архиве поэта сохранился ряд писем по этому поводу, — его (в черновиках) и к нему. Некоторые из них публикуются ниже.

1

А. Н. Майков — К. Н. Бестужеву-Рюмину

Вторник, 19 [сент.] <ября> 1867

Вот, любезнейший Константин Николаевич, мое «Слово о полку Игореве» с предисловием и примечаниями. Как я старался во всем этом сохранить тон (?), чтобы не было претензии, то не только не буду в претензии, но прошу Вас просмотреть все, не жалея карандаша. Близко к сердцу мне дело, а не мое маленькое Я. Возлагаю на Вас упование не только как на ученого, но, главное, как на ученого, не утратившего живой эстетический вкус и любовь к поэзии. Но — нельзя ли не откладывать просмотра, и — или доставить мне поскорее, или написать по почте, когда явиться для выслушания Ваших замечаний и приговора.

Весь Ваш

А. Майков.

Автограф — № 24906/СЛХХХб 35.

О поэтическом чутье Бестужева-Рюмина Майков писал и через много лет, в письме к М. Л. Златковскому. Бестужев-Рюмин к тому же прекрасно знал литературу.¹⁰ Познакомившись в середине 1860-х годов, Майков и Бестужев-Рюмин надолго сохранили дружеские отношения. В 1888 г., поздравляя Майкова с пятидесятилетием его литературной деятельности, Бестужев-Рюмин писал: «Я же имею счастье не только знать Вас лично, но и пользоваться, смею надеяться, Вашим дружеским расположением; этим счастьем я наслаждаюсь уже более 20 лет». В том же письме он следующим образом отозвался о переводе «Слова»: «Вы угадали, как передать современному читателю „Слово о полку Игореве“». ¹¹

Сохранилось еще одно — более раннее — письмо Майкова к Бестужеву-Рюмину о «Слове о полку Игореве», от 27 мая 1867 г. (под тем же шифром). Майков упоминает здесь о чтении своего перевода Бестужеву-Рюмину накануне, благодарит за «внимательное прослушание» и просит разрешения прислать исправленную рукопись для просмотра. «Кому я ни показывал мой труд, — пишет Майков, — ни от кого столько пользы не приобрел, как от Вас».

⁷ Слова, заключенные в квадратные скобки, зачеркнуты Майковым.

⁸ РО ИРЛИ, ф. 168, № 16515/СВ16 5, л. 52.

⁹ См., например: А. В. Никитенко. Дневник, т. 3. [Б. м.], 1956, с. 101, запись от 13 октября 1867 г. (похвальные слова о читанном у него переводе: «Это прекрасный труд»); письмо Майкова к К. Н. Страхову 1868 г. с приглашением на чтение предисловия: «И не уведомите ли Белова? <...> Будут Георгиевский и Галахов» (Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 747, № 21).

¹⁰ См.: Е. Шурло. Очерк жизни и научной деятельности К. Н. Бестужева-Рюмина. Юрьев, 1899, с. 269—285. На с. 276 этой книги говорится, между прочим, и об его отношении к поэзии Майкова.

¹¹ Русский вестник, 1888, № 6, с. 304.

2

А. Ф. Гильфердинг — А. Н. Майкову

15 февр<аля> <1868?>

Весьма жалею, добрейший Аполлон Николаевич, что Вас отбили у моих Четвергов. Гости и гости мои будут сетовать.

Тем не менее я готов великодушно простить Вам Вашу измену и поделиться с Вами моими заметками о «Слове о полку Игореве», заметками, которые, впрочем, — и это несколько сбавляет цену моему великодушию, — вероятно, ни к чему не пригодятся.

Они готовы. Милости прошу пожаловать вечером (только не очень рано) в субботу или в понедельник. В субботу застанете и днем. Не пожелаете ли пригласить и К. Н. Бестужева, как специалиста?¹² В таком случае погрудитесь его уведомить.

Преданный Вам

А. Гильфердинг.

Автограф — № 16474/CVII6 10.

3

А. Н. Майков — И. И. Срезневскому

<1868>¹³

Не знаю, что меня заставляет писать Вам, много и много уважаемый мною Измаил Иванович! Но томящее меня чувство требует исхода; беспрестанно, как в бреду, я говорю с Вами; авось ли перестану, как напишу, и если не передумаю, отошлю к Вам мой монолог. Вы имеете особенный дар меня мучить. По наивности своей от Вас я ожидаю указаний и совета; вместо того Вы два раза изрезывали мое сердце. И каким мучительным способом: Вы прежде задушите меня массою самых благоуханных цветов похвал, красноречия; ворочаюсь я под этой непривычной для меня громадой и тщетно стараюсь понять, в чем же дело; но цветы все с шипами, — и в результате я задыхаюсь, исцарапан, а толку не добьюсь. Когда я Вам читал в первый раз мой перевод «Слова», я из-под этой массы цветов вынес, однако, такое заключение: Вы хотели, мол, сказать мне, что я недостаточно изучил памятник, который передаю, — и углубился в него более, прочел все, что мог достать, составил о нем свое мнение, — худо ли, хорошо ли, мнение вышло все-таки мое, довольно оригинальное. Из того, что Вы его не оспариваете, значит, все-таки Вы даете ему право гражданства. Читаю теперь (у Гильфердинга) — Ваши цветы еще душистее, язвы мои еще глубже. Я просто уже вижу, что эти цветы мне говорят, что мой труд никуда не годится: больше я ничего не мог понять. Вы в пример поставили мне былинку Толстого: прочел и нашел, что это в одеждах Мономаха в бармах и венце — одетый шут, т. е. мысль, годная для «Искры»,¹⁴ одета в великолепный костюм. Поучительного ничего я не нашел. Вы мне представляли какую-то картину вечности, — а я имел в виду только навести лоск на старую картину, в которой потухли краски. Словом, я ничего не понял, но руки у меня опустились, труд свой я возненавидел, начал было переписывать его, да со дня того чтения у Гильфердинга подойти к своему столу не могу, чтоб не увидеть там чего-то ненавистного. Сумей я согласить Ваши противоречия между тем, что из уст Ваших слышу и что сердцем чувствую, я бы успокоился. Но между тем и другим такая бездна, что я теряюсь. Уничтожить свой труд не решаюсь, заниматься им более — противно. . . , о вдохновении, для того погребном, речи быть не может. . . Вам не верить — до этого не дошел. Но неужели же в последнем — исход!

Зажмуря глаза, кидаю письмо свое в ящик почтовый. Скорее, скорее, а то раздумую.

Автограф — № 16687/CVII6 8.

Речь идет о стихотворении А. К. Толстого «Змей Тугарин», впервые напечатанном в «Вестнике Европы»¹⁵ под заглавием «Былина». Было ли письмо переписано и отправлено или Майков все же раздумал его послать — неясно.

¹² Речь идет о К. Н. Бестужеве-Рюмине. Гильфердинг был с ним в дружеских отношениях.

¹³ Дата установлена на основании упоминания в письме «былины» А. К. Толстого.

¹⁴ «Искра» — сатирический журнал с карикатурами, выходивший в Петербурге в 1859—1873 гг. Майков не раз являлся объектом его нападок.

¹⁵ 1868, № 2.

Поэт познакомился с И. И. Срезневским еще в первой половине 1850-х годов. Несколько его писем к Срезневскому опубликовано в статье О. И. Срезневской «Художественные произведения И. И. Срезневского и его отношение к поэзии вообще».¹⁶ Поэт и переводчик Н. В. Берг писал в своих воспоминаниях о лете 1853 г.: «В Петербурге я сошелся ближе с Петром Александровичем Плетневым <...>. Он пригласил меня прожить у него несколько дней на исторической его даче в Лесном <...>. С Плетневым и Изм. Ив. Срезневским (жившим там же, в Лесном, шагах во ста от плетневской дачи) мы ходили пешком в Парголово, к Аполлону Николаевичу Майкову, только что женившемуся».¹⁷

В письме к своему биографу М. Л. Златковскому Майков рассказал о том, как отправился к Срезневскому с первым наброском своего перевода: «Пошел к Срезневскому показать и просить объяснить темные места. Срезневский отказался: сами добивайтесь. Я рассердился, назвал ученых собаками, леж<ащими> на сене, и ушел подзадоренный, твердя про себя: ну так я тебе покажу! и стал читать все к нему относящееся. Соловьева, летописи, все, что писано о „Слове“, сравнивать его с древнейш<ими> памятниками других народов».

4

В. И. Кельсиев — А. Н. Майкову

⟨1867 или 1868⟩

✓ Вы вчера ушли — а мне в чужом пиру похмелье досталось. Сбили Вы меня с толку Вашим чтением, и чем я больше о нем думаю, тем правей Вы мне кажетесь. Терпеть не могу писать писем, но душе невтерпеж приходится — вот какое соображение меня мучит:

СЛОВО О ПЛЪКУ

Почему *слово*? Откуда в русском или в каком славянском *слово*? Ведь это *oratio*, *речь*; это вовсе не то, что *старина*. Уже самое такое заглавие и самое намерение «начяти старыми словесы» указывает на книжника, читавшего похвальные *слова* византийцев. *Слово о стых* отец, *слово* о бедном и богатом Лазаре, *слова* Кирилла Туровского. Если это так, если слово СЛОВО — идет отсюда, то, разумеется, Ваше чтение верно, потому что оно необходимо, и разгадка ритма Вами найдена.

Был бы я здоров и не лежала бы жена — я бы сегодня был у Вас еще и еще толковать об этой поэме.

Весь Ваш

Василий Кельсиев.

Автограф — № 16821/СВИПБМ.

«Ваше чтение» — это чтение предисловия Майкова к переводу. Кельсиев, по-видимому, лишь сформулировал то, что услышал от Майкова. В одном из черновых вариантов предисловия находим такое рассуждение: «Отчего оно названо „Словом“? „Словом“, а не „старинной“? Не ясно ли тут знакомство с „похвальными словами“ византийской литературы, как со „словами“ святых отцов, так и светскими?».¹⁸ Можно предположить, правда, и обратное, — что письмо Кельсиева предшествует этой редакции предисловия. Подобный взгляд на жанр «Слова» был обоснован в наше время И. П. Ереминым в его исследовании «Жанровая природа „Слова о полку Игореве“».¹⁹ Впоследствии Майков изменил свою точку

¹⁶ Памяти Изаила Ивановича Срезневского, кн. 1. Пгр., 1916.

¹⁷ Посмертные записки Николая Васильевича Берга. — Русская старина, СПб., 1891, № 2, с. 277.

¹⁸ РО ИРЛИ, ф. 168, № 16515/СВИБ 81, л. 119 об.

¹⁹ См.: И. П. Еремин. Литература Древней Руси. (Этюды и характеристики). — МЛ., 1966, с. 144—163.

зрения, и приведенные выше слова не вошли в окончательную редакцию предисловия. Здесь вообще вопрос о жанре «Слова» прямо не поставлен. Однако на первой же странице читаем: «Перед нами былины явились уже чисто, так сказать, в московской редакции и в этом виде гораздо ближе к нам, чем к „Слову“ < . . . » Но если бы можно было снять с них московский слой, то, я уверен, они оказались бы гораздо ближе к „Слову о полку Игореве“, чем к нам». И дальше: «Одна из таких песен о Дажь-божьих внуках есть „Слово о полку Игореве“. Но и от современных ей былин, при всем своем духовном родстве с ними, она должна была сильно отличаться, ибо возникла не в народе, но в другой, высшей сфере общества».²⁰

По поводу слов Кельсиева о «разгадке ритма» следует опять-таки напомнить предисловие к переводу, где Майков указывал: поэма «очевидно, писана, и писана мерною прозой, приспособлявшеюся, вероятно, к пению, по образцу, может быть, церковных канонов и псалмов, только на другие мотивы. Высказываю здесь мое предположение о внешней форме „Слова“, потому что вопрос, как оно писано, прозой или стихами, долго занимал наших критиков и все строили множество догадок: собственно тут ни проза, ни стихи. Мне кажется, что если читать „Слово“ нараспев, то мы более всего подошли бы к настоящему делу».²¹ См. еще л. 117 черного варианта: «. . . поэмы, писанной, так сказать, кованой прозой, и именно писанной, а не сложенной, как складывал Вещий Боян свои песни». Считая, что «Слово» написано «мерной прозой», Майков перевел ее, однако, пятистопным хореем.

5

В. И. Кельсиев — А. Н. Майкову

«Дата?»

Ни одного текста из писания нет в «Слове» — стало быть, певец был более чем плохой грамотей: если он и был на архиерейском дворе, то книжное учение почти вовсе не усвоил. Он был скорей даровитый гуляка, сумевший петь не по-бояновски, но в то же время, из вражды к тогдашней respectability, не взявший умышленно ни одного текста. Такие личности я видал. . . Подумайте.

Ваш

Кельсиев.

Автограф — № 16821/CVIII 1.

Майков придерживался иного мнения относительно среды, из которой вышел автор «Слова» (княжеский двор и дружина), и иначе оценивал его «книжное учение»: «Певец, очевидно, уже силен в книжном учении; не чужд, может быть, знакомства с какими-нибудь классическими творениями, — если не из первых рук, то, может быть, чрез своих ближайших предшественников».²² Впрочем, и сам Кельсиев в первом письме называет его «книжником»

6

А. Н. Майков — Ф. И. Буслаеву

«Начало 1870 г.»

Позвольте мне представить Вам оттиск моего перевода «Слова» о П^{олку} Иг^{ореве}, труд, которым я увлекся и над которым проработал четыре года. Подношу Вам его как ученик учителю. Этим я исполняю простой долг благодарности, потому что

²⁰ Заря, 1870, № 1, с. 82, 93.

²¹ Там же, с. 98.

²² Там же, с. 97.

Ваши драгоценные труды, Ваши указания много послужили мне в объяснении темных мест «Слова» и того загадочного для нас мира, откуда оно вышло. Примите мое приношение как дань благодарности за все, что сам получил от трудов Ваших.

Черновой автограф — № 16656/CVIIб 7. Сверху надпись: «Буслаеву».

7

А. Н. Майков — А. Н. Афанасьеву

«Начало 1870 г.»

Я уже раз беспокоил Вас письмом моим. Вы были так добры, что не оставили его без ответа, за который не знаю как Вас благодарить.²³ Теперь же позвольте представить Вам труд, для которого я решился когда-то Вас беспокоить. Каков бы он ни был, но Вы на него можете посмотреть уже как на плод Вашего громадного труда «Воззрения славян на природу». Эти три тома должны войти в плоть и кровь исследователей наших древностей. В этом лабиринте арийских верований и юрист, и историк, и филолог должны найти новые горизонты своей науки, смысл отрывочных фактов. Не могу не вспомнить при этом случае, как один француз, Фюстель де Коуланж, воспользовался этим миром для объяснения древнего права в сочинении «La cité antique»,²⁴ — и обидно, право, что никто из наших юристов не последовал его счастливой мысли и не предпринял изучения древнего русского права в обстановке тех религиозных верований, которые давали смысл и содержание всем явлениям жизни! Когда я читал Куланжа, мне так и кидались в глаза совершенно новые выводы и аналогии с русским правом. Неужели оттого, что у нас мало читают? А читают мало! И теперь встречается мне много образцованных людей, которые и понятия не имеют о Ваших «Воззрениях», — впрочем, после моей «одно слово нрзб.» приобретали Вашу книгу и благодарили меня. Я уже не говорю, насколько мне помог Ваш труд при переводе «Слова о полку» и «Гореве»! Вы это увидите сами, если удостоите его прочтения.

Черновой автограф — на том же листке, где письмо к Буслаеву; отделено от него чертой. Адресат не указан, однако он без труда устанавливается благодаря упоминанию исследования А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу».

Принципы «мифологической школы» оказали большое влияние на Майкова в пору его работы над переводом «Слова о полку Игореве» (см. предисловие к переводу, в котором поэт не раз ссылается на Афанасьева). Впоследствии Майков более критически отзывался о «Поэтических воззрениях», равно как и о немецком «мифологе» Максе Мюллере, — см. его письма к сыновьям 1890—1891 гг.²⁵ Здесь читаем: «Но думаю теперь, и меня не ввела ли в заблуждение теория Макса Миллера о Солнце <...>, нет ли в ней натяжек»; «Но у него <Афанасьева> понятия и образы всего мира <...> приурочены к теории М. Миллера»; «...уж очень узко принятая натяжка на Макс-Миллерову теорию Солнца, без отношения к историческому, частному у каждого народа, элементу».

Публикуемые материалы представляют интерес не только для биографа и исследователя творчества Майкова, но и для истории восприятия и изучения «Слова о полку Игореве» в 1860-е годы.

²³ Ни копия этого письма к Афанасьеву, ни ответ на него Афанасьева в архиве Майкова не сохранились.

²⁴ Речь идет о сочинении знаменитого французского историка Н.-Д. Фюстель де Коуланжа (1830—1889 гг.) «La cité antique». В 1867—1868 гг. почти одновременно вышли два русских перевода: Гражданская община античного мира. Исследование о богослужении, праве, учреждениях Греции и Рима. Пер. Е. Корша. М., 1867, а также: Древнее общество. Обзор культуры, права и учреждений Греции и Рима. Пер. Н. Бабкина. СПб., 1867—1868 (в т. 2 этого издания вместо «культы» — «верований»).

²⁵ РО ИРЛИ, ф. 168, № 17002/CVIIIб 10, письмо от 16 ноября 1890 г. и № 17892г/СXIб 4, л. 97, письмо от 1 августа 1891 г.